

Алексей Будищев

Помпей

Алексей Будищев

Помпей

«Public Domain»

1901

Будищев А. Н.

Помпей / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1901

«Сотский, молодой мужик из отставных солдат, румяный и еще не потерявший солдатского облика, лениво толкает кулаком в бок стоящего перед ним человека и сердито ворчит:— Есть мне когда с тобой возжаться! Ты штоль заваленку-то мне на зиму завалишь, а? А мне через тебя мерзнуть тоже не артикул! Вот то-то и оно! – добавляет он, встряхнув головою, и плюет себе на ладони, чтоб взяться за лопату...»

© Будищев А. Н., 1901

© Public Domain, 1901

Алексей Будищев Помпей

Сотский, молодой мужик из отставных солдат, румяный и еще не потерявший солдатского облика, лениво толкает кулаком в бок стоящего перед ним человека и сердито ворчит:

– Есть мне когда с тобой вожжаться! Ты штоль заваленку-то мне на зиму завалишь, а? А мне черз тебя мерзнуть тоже не артикул! Вот то-то и оно! – добавляет он, встряхнув головою, и плюет себе на ладони, чтоб взяться за лопату.

– Настасья! – кричит он через минуту. И сердито косясь на этого, только что привезенного к нему человека, он ворчливо добавляет:

– Вас, бродяг беспачпортных, тысячи, а я один. Понял? Вот то-то и оно! Да. А у нас теперь что ни день – полтина, а тебе што? Вот то-то. Показал бы я тебе беглый огонь по загровку, да моли Бога – в руках лопата. Эх, ты шрапнель линючая!

Сотский презрительно двигает губами, раздраженно вонзает лопату в кучу разопревшего и дымящегося навоза и снова плюет на ладони. Косые лучи осеннего солнца светлым пятном ложатся на его широкую согнутую спину, а когда она выпрямляется, пятно это скатывается к его пяткам как жидкость. Стоящий возле человек безучастно глядит на это путешествие светового пятна и равнодушно жмурится. Человека этого, как захваченного без надлежащих документов, препровождают по сельской пересылке, от села до села, в ближайший уездный город. И вот теперь он равнодушно поджидает очередной подводы. Он худ, высок и одет в равнье; на ногах какие-то жалкие опорки. На шее красный промасленный платочек. Из-под крошечной вытертой шапочки из поддельной мерлушки красиво выбиваются короткие, сильно поседевшие кудри. Худощавое, бледное лицо бродяги глядит строго и безучастно, как у аскета. Глаза тусклы и усталы. Он неподвижно стоит возле избы сотского, глубоко засунув ладони рук в рукава нанковой кацавейки и как будто бы занят какою-то думой. И вдруг, от брани ли сотского или от чего другого, все лицо его внезапно собирается в складки. Складки эти, резкие, грозные и решительные, как бы проведенные ударами ножа, идут от его глаз к носу и затем под острым углом круто спускаются к углу рта, совершенно изменяя выражение его лица. Оно все точно преобразается и делается злобно торжествующим, дерзким и дьявольски наглым, как у сатира. В то же время его клинообразная начинающая седесть борода как бы вытягивается. И все это происходит в одно мгновенье, точно стоявшего здесь человека подменивают другим, точно он весь внезапно перерождается под дыханием чудодейственной силы.

– Послушай, голубок, – внезапно говорит он хриповатым тенором, слегка изгибаясь к сотскому в то время, как его собранное в морщины лицо как будто все содрогается от бешеного смеха, – послушай, голубок, тебя фельдфебель в какое больше ухо толкать любил? В это иль в то?

И он умолкает, точно весь извиваясь от пожирающего его хохота.

Когда взбешенный сотский поворачивается к говорящему, он не узнает в этом злобном лице ни одной черты, которая напоминала бы собою прежде стоявшего здесь человека, и, едва не выронив лопату сотский широко раскрывает свой рот.

– Настасья, – кричит он через минуту, уже несколько придя в себя, – Настасья!

Между тем лицо бродяги также внезапно разглаживается, словно потухает. Он снова принимает усталый и равнодушный вид и неподвижно стоит в свете осеннего солнца, пряча ладони рук в рукава выцветшей кацавейки.

Через некоторое время жена сотского Настасья, миловидная круглолицая бабенка, опоясанная шашкой мужа, выезжает из ворот на пегой лошадке, впряженной в громоздкую телегу. Она размашисто, по-бабьи, дергает вожжами, сильно работая локтями и неумело чмокает губами. Телега останавливается. Бродяга лезет в телегу и рассаживается в задке, свернув по-

турецки ноги. И вот они отправляются в путь сперва широкою улицей села, а затем легонько свертывая в поймы.

Долго они плетутся ленивой рысцой тихими поймами, по вязкой дороге, и упорно молчат. На лице бродяги полнейшее равнодушие, а лицо бабы выражает хозяйственную деловитость. Оно как бы говорит собою: «Рубах я мужу постирала, телятишек попоила, теперь бы вот сечки лошади нарубить!» Однако она молчит. Бродяга созерцает это повернутое к нему в профиль лицо, и по его губам порою скользить брезгливое сожаление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.